

Седая сгорбленная старуха в пышном вечернем платье с открытыми плечами стояла у окна. Тонкие черты, спутанные кудри в высокой прическе, крупные украшения на дряблой шее и отвисших от старости мочках. Она стояла так уже несколько часов, ожидая его. От холодного стекла и без того бледное лицо стало синеватым, а обнаженные плечи вздыбились вверх. Но она знала точно, что он придет, не может не прийти к ней. И когда внизу остановился автомобиль и высокий крупный мужчина хлопнул дверцей, а потом застыл с окаменевшим взглядом при виде черно-белого силуэта в окне, она подняла руку в длинной бархатной перчатке и поманила его к себе — я жду. Тот сделал шаг, другой. Неуверенные, полные страха глаза. И иссиня-бледная рука, затянутая в черное, поманила его снова — иди. Из машины выско-

чила темноволосая женщина, обняла своего спутника, удерживая на месте. Она что-то торопливо говорила ему, тянула за рукав обратно в безопасное пространство машины. Ее взгляд в ужасе метался от бледного призрака за мутным стеклом, который никак не растворялся в сгущающихся сумерках, к застывшему лицу мужа. Все попытки остановить его были напрасными. Мужчина покачал головой, аккуратно снял изящную руку со своей груди.

— Она не причинит мне вреда, поверь. Живая или мертвая. Она любила меня как родного, как часть своей семьи. Поэтому обещаю, все будет хорошо. Подожди меня в машине.

И он зашагал уже уверенно и быстро к знакомой двери подъезда, по ступеням, которые хранили тысячи невидимых отпечатков его шагов много лет назад. Память помнила каждую ступеньку, пятьдесят стремительных шагов — и он окажется у родной до единого пятнышка двери. За ней его ждет не смерть и не опасность, а тепло семьи, почти семьи.

ГЛАВА 1

Робкий стук в дверь вырвал Льва из размышлений. Оперативник по особо важным делам полковник Гуров был азартен в каждом своем расследовании, поэтому всегда с головой уходил из реальности в собственные мысли, пытаясь представить картину совершенного злодеяния в деталях. Он только поднял взгляд от бумаг, как в дверном проеме уже торчала вихрастая голова новенького сотрудника отдела уголовного розыска — лейтенанта Веснина. Парнишка, неловко переминаясь с ноги на ногу, робко залепетал:

— Лев Иванович, простите, можете посоветовать? Извините, если не вовремя, я попозже. Вы только скажите.

Лев Иванович Гуров, хоть был опытным оперативником с огромным стажем, работу ■

свою по-прежнему обожал. Именно поэтому все новички отдела по особо важным делам рано или поздно оказывались на его пороге. Лев с упоением вникал в детали не только своих уголовных дел, а еще всегда охотно приходил на помощь коллегам, отвечая на вопросы, подсказывая версии или давая направление в оперативно-разыскной деятельности. Каждый сотрудник знал: если есть трудный, неразрешимый вопрос, то в кабинете с номером 05 два профессионала, Лев Гуров и его напарник Станислав Крячко, найдут ответ. Вот и сейчас Лев доброжелательно кивнул парню — заходи, рассказывай. Он понимал, что все-таки тот в отделе служит уже третий месяц и немного нахватался искусства расследования преступлений, следовательно, положение действительно трудное и молодому оперативнику нужен совет.

— Рассказывай, Валера, — память услужливо подсказала имя паренька, которое регулярно звучало на планерках в кабинете их общего начальника, генерала Орлова.

■ Тот заторопился изложить суть просьбы:

— Понимаете, мне в производство дали глухаря, настоящего глухаря. Вернее, там все понятно, даже вскрытие подтвердило, что человек скончался от сердечного приступа, то есть причина смерти естественная. Но вот эта следователь, — парень даже понизил голос от робости перед строгим следователем, с которой ему угораздило работать в паре, — Зубарева, она требует, чтобы я еще версии отработал, перед тем как дело в отказ отправить. А какие могут быть версии?! Я уже голову сломал, там зацепиться не за что совершенно. Пенсионер, лет ему много, умер от сердечного приступа, все ведь понятно и просто. Ну зачем время терять?! Да мне не жалко, я бы сделал. Для опыта, так сказать. Только что сделать? Зубарева говорит — другие версии проверь, а какие? У меня их нет.

Валерка беспомощно развел руками, в одной из которых была зажата скудная стопочка из листов протоколов. Лев Иванович молчал, пока парнишка сумбурно делился накипевшими эмоциями, понимая, что тому для начала надо сбросить негативный груз. Сам так же тяжело переживал до сих пор

неудачи в работе, но возраст научил его выплескивать стресс в спортзале на занятиях по единоборствам или оставлять эту тяжесть в любимом блокноте для записей. Раздражение и досада — плохие напарники во время расследования, они не дают взглянуть на факты трезвым умом, лишь толкают к ошибкам. В работе опера цена ошибок и неправильных версий — человеческая жизнь и свобода. Когда поток возмущения и вопросов без ответов стих, Лев протянул умиротворяюще:

— Наталья следователь опытный, просто так гонять не станет с поручениями, значит, есть у нее подозрения, что со смертью пенсионера не все в порядке. Бывает так иногда, знаешь, интуиция уже сработала, а вот фактов и улик еще не хватает, чтобы подтвердить мысль. Тут и начинается работа опера. Давай так. Рассказывай все обстоятельства дела, постарайся все детали вспомнить, пускай даже мелкие. Я вопросы буду задавать не для того, чтобы тебя подловить. Нет. Чтобы помочь найти другой угол видения ситуации. А потом ■ вместе будем думать, что же можно сделать.

Валерий тряхнул тонкой папочкой с опросами свидетелей и осмотрами на выездных мероприятиях:

— К нам дело попало почти случайно, было подозрение на насильственную смерть из-за сильного шума перед обнаружением тела. Нашла соседка, и в полицию звонили другие жильцы, жаловались в тот вечер на громкие звуки. Когда опрос проводили поквартирный, все соседи дали показания, что в момент смерти пенсионера из его квартиры доносились страшные крики, музыка громко играла и раздавался грохот. Это ночью почти было, около полуночи, так как много кто спал и проснулся из-за буйного пенсионера. Хотя он по всем характеристикам небуйный, непьющий, не замечали за ним раньше. — Валерка осекся, поняв, что ушел в размышления от рассказа о событиях. — Поэтому дело отправили нам на проверку. Ну, чтобы точно не насильственная смерть. Пока заключения о естественной смерти не было еще, я поквартирный опрос повторил. Жильцы говорят то же самое, новых фактов не обнаружено. Жил старик тихо, вдовец, непьющий, ученый бывший, когда-то

работал в институте. В день смерти у него четверть часа в квартире стоял крик, грохот, как в аду, поэтому и возникли подозрения в убийстве. Только они не подтвердились, пришло заключение эксперта сегодня утром, что причина смерти — естественная, у Журина отказало сердце. Все-таки старику было уже за 80. Может быть, выпил, молодость вспомнил или телевизор громко смотрел с боевичком. Сделал погромче, не рассчитал, что поздно уже. Может, слышал плохо. Обычное объяснение громким звукам, никакого криминала. Конечно, это наша работа — убедиться, что смерть была точно ненасильственной, так ведь здесь криминалисты мое мнение подтвердили. Улик для другой версии нет совсем, да и нет у меня версии. Ну что еще могло произойти? Понятно же, что телевизор громко смотрел, стало с сердечком плохо, может, кричать начал, о помощи просил. Пока услышали, пока в квартиру попали, уже поздно было. Что вот я Зубаревой еще выдумать должен? Ну крики, ну и что? У меня вот собака лает постоянно, ■ а сосед так храпит, что стены дрожат, за сте-

ной вечно ребенок орет, мы же полицию не вызываем.

Молодой лейтенант остановился, вдруг поняв, что опер его не слушает, уставившись в одну точку перед собой.

Полковник же с головой утонул в нахлынувших воспоминаниях при упоминании фамилии Журин. С ней были связаны тесно годы его юности, когда молодой парень Лева Гуров, будучи еще студентом юридического факультета, делал свои первые шаги в самостоятельную жизнь и снимал квартиру, чтобы насладиться прелестями новой взрослой жизни. Именно чета Журиных, Лидия и Олег Митрофанович, оказалась его соседями по площадке. Их возраст тогда приближался к пятому десятку, интеллигенты без детей и питомцев, они по-отечески заботились о молодом человеке по соседству. А Лева с удовольствием заглядывал почти каждый вечер после занятий к гостеприимным соседям. Едва ли не ежедневные ужины за дубовым столом в уютной гостиной, шахматные партии по выходным с внуком Журиных Максимом, билеты на модные выставки от Лидии

Журиной, которая преподавала скульптуру в художественной школе. Сейчас опер на несколько секунд в своих мыслях вернулся в ту гостиную, где под зеленым абажуром за столом с тяжелой бархатной скатертью Лидия и Олег внимательно слушают впечатления восторженного студента от очередной лекции по криминалистике, расспрашивают о новом романе с однокурсницей. Круглый стол уставлен деликатесами, которые он наперегонки с Максом Журиным уминает под горячий, круто заваренный чай.

В горле вдруг засадило от горечи. Вместе с новостью о смерти старика будто и его юность неожиданно стала историей, стерлась и поблекла, как старая фотография.

— Лев Иванович, — голос Валеры снова вернул опера в реальность. — Ну так как думаете, что еще можно сделать? Ведь знаете Зубареву, она не отстанет, въедливая очень.

— Не отстанет, — эхом повторил Лев.

Внезапно он понял, что просто обязан лично разобраться, что произошло с Олегом Митрофановичем в его последний момент жизни. Почему он кричал перед смертью, звал

на помощь? Тишайший, очень сдержанный и мягкий Олег Митрофанович, который на его памяти ни разу не повысил голос. Добродушный и отзывчивый, даже если случалось что-то плохое на работе, он только вздыхал тяжело в окладистую бороду, а через секунду снова сиял доброй улыбкой.

Теперь он просто обязан убедиться, что Олег Митрофанович умер по естественной причине. Ведь семья Журиных стала для него родной на несколько лет. Пускай и разбросала их судьба, а тяжелые будни оперативника не дали возможности для регулярных встреч, сейчас та же судьба дала шанс вернуть подаренную заботу. Даже двойной долг, перед Олегом и Лидией, которые так тепло опекали неопытного студента все пять лет учебы.

Правда, он понял, что ему необходимо изучить материалы о смерти Журина в одиночестве, без пытливого взгляда новичка. Слишком болезненно было внутри от осознания, что Олег и Лидия уже ушли из жизни. Душу грызло чувство вины и сожаления, что не навещал стариков хотя бы изредка за все эти годы. Работа, женитьба, нескончаемые

расследования, переезд в новую квартиру, командировки — вечная суета, которая не дает вспомнить о главном. Поэтому сейчас Лев Иванович предложил парню:

— Уже рабочий день закончен, ты давай домой, передохнешь, голова посвежеет. Оставляй бумаги, я все просмотрю, и утром решим, как дальше лучше действовать.

Валерка суетливо мям жидкую стопку бумаг, круглое лицо с веснушками так и светилося радостью, что он нашел помощника в трудном задании. Парень шагал к двери, а сам бормотал:

— Спасибо, спасибо, Лев Иванович, я так благодарен вам. Если бы не вы, ну не знал бы, что делать. Хоть к генералу иди, так он меня быстро в патрульные отошлет за такое. Скажет, не созрел еще до работы опером, и в районный отдел отправит. А я же стараюсь, просто ну никак... мыслей нет совсем.

Лев усмехнулся — прав молодой опер, генерал Орлов хоть и заботился о своих подчиненных как родной отец, но мог устроить разнос или жестко наказать за провинности в работе. Не любил он тех, кто относился

к расследованию формально, следуя лишь привычными путями. Оперуполномоченный подмигнул парнишке, чтобы приободрить приунывшего сотрудника, и похлопал по столу, знаком показывая, чтобы тот оставил папку с материалами для изучения. Радостный Валерка всучил результат своих трудов оперу, распрощавшись, бросился поскорее к своему кабинету за верхней одеждой. Молодость со своей вечной жадой развлечений переполняла его к вечеру и требовала женского внимания, дружеских встреч, беспечного веселья. Смерть старика и поиски злого умысла он беспечно оставил старшему коллеге словно тяжелый груз, который наконец-то можно перекинуть на чужие плечи.

Оставшись один, Лев осторожно открыл картонную папку, давно так не сжималось сердце при виде привычных протоколов. За ними обычно стояли чужие судьбы и горе, поэтому смотреть беспристрастно на картинку произошедшего было легко. Но не сегодня. Сейчас за формальными фразами спрятался кусочек его жизни. Опер пролистал листочки протоколов, заключений криминалистов, ■

собираясь с духом, чтобы вчитаться в убористые строчки и столкнуться со смертью Журина лоб в лоб. Как же ему хотелось, чтобы эта милая пара осталась в его памяти только живыми! Яркая и эффектная Лидия Гавриловна, которая даже дома ходила с макияжем, пышной укладкой и в тщательно подобранных нарядах. Сколько же бесценных советов она дала юному Льву перед его первыми свиданиями! Она научила его завязывать галстук аккуратным тугим узлом, подарила первые духи с великолепным хвойным ароматом. За столом давала естественные уроки этикета, рассказывая разные истории о создании столовых приборов. Ее рассказы, мягкое наставничество превратили тогдашнего юнца из рабочего района столицы в привлекательного кавалера с отличными манерами. Такого ухажера не стеснялись оделить вниманием девушки из семей дипломатов, министров и прочей партийной бонзы. Лев пользовался популярностью у женского пола, преподаватели легко ставили хорошие оценки приятно-му парню, да и сокурсники тянулись к нему,

инстинктивно оценив воспитание и широкий кругозор.

Теплота и уютная атмосфера дома Журиных привлекали не только Льва. Все соседки перед любым выходом забегали к Лидии для оценки своего наряда. Женщина мягко исправляла ошибки, помогала с макияжем, потому что от природы обладала удивительным художественным вкусом. Работа в сфере искусства, постоянные выходы в культурный бомонд столицы сделали ее незаменимой советчицей всех женщин в доме и подъезде. Лидия Гавриловна, если выразаться современным языком, была их личным стилистом. Через знакомых всегда ей перепадала стопка иностранных журналов о моде, невиданные глянцевого цвета страницы разлетались по соседним квартирам, внося немного ярких красок и стиля в серую действительность жизни после развала СССР. Во время таких соседских чаепитий Лидия становилась часто еще и психологом, выслушивая жалобы на семейную жизнь. Обладая природным тактом, она давала советы, как же найти с мужем общий язык. Да кому, как не ей, было учить жиль-

цов дома счастливой семейной жизни! Ведь с Олегом Митрофановичем они жили без ссор и раздоров уже больше тридцати лет. И не просто жили в скучном режиме дом — работа, а до сих пор испытывали друг к другу трепет и нежность. Именно для мужа наряжалась Лидия в вечерние платья во время ежедневных семейных ужинов, его старалась порадовать кулинарными изысками, с ним с упоением обсуждала состоявшийся поход в театр или поездку в старенький подмосковный музей. Она бережно не мучила его походами на блошинные рынки или в обожаемые ею антикварные магазинчики, только вечером выслушивала комплименты своему вкусу, демонстрируя очередную находку среди развалов старинных и диковинных вещиц. Олег Митрофанович в ответ смотрел на жену с восхищением все годы их совместной жизни. Скромную ставку сотрудника кафедры машиностроения политехнического института тратил на подарки для любимой Лидоньки.

Стоило Льву прикрыть глаза, как память мгновенно унесла его в прошлое, в одно из праздничных вечерних застолий в доме Жу-

риных: Лидия Гавриловна в золотистом воздушном платье, с прической-короной из густых светлых кудрей, заливаясь смехом, показывает внуку Максиму танцевальные па ее любимого фокстрота. Тот неуклюже повторяет движения, смотрит исподлобья и капризно вздыхает, что так уже не танцуют, это прошлый век. Но Лев знает, что неловкий деревянный Макс просто упрямится, потому что у него плохо получаются грациозные движения в такт музыке. Взгляд парнишки полон зависти к ловкому пластичному Леве, который кружит под зажигательный ритм соседку Люсеньку, невзрачную лаборантку из научной лаборатории Олега Митрофановича, еще одну подшефную Лидии. Застенчивая Люся, густо накрашенная, в нелепом платье с огромными рукавами в виде фонариков, смущается и идет алыми пятнами от удовольствия, что ее так ловко ведет в танце молодой привлекательный партнер. Проницательная Лидия сразу замечает дисгармонию в парах и одним взглядом дает знак мужу, что колдует над стареньким патефоном, — «смени музыку». Олег Митрофанович перебирает пластинки, и из

медного раструба льется плавный романс, который обожает Лидия. «Смена партнера!» — восклицает хозяйка вечера, скользит в руки ко Льву, а ее муж склоняется в галантном приглашении перед уже бордовой от быстрых движений Людочкой. Теперь сочетание правильное — более ловкие партнеры задают темп и рисунок кружения, а парочка из торопливой, угловатой Людмилы и высокого Олега повторяет за ними танец. От кружения в такт, сияющих глаз, синхронных движений рождается невероятная магия, ощущение чуда, которое рассыпается звенящими искрами по всему телу. По комнате плывут волны восторга, ликующей радости от жизни.

Гуров вдруг очнулся и понял, что сидит за столом, напевает под нос знакомую мелодию, отбивая такт ногой и раскачиваясь, будто в танце. Картонная серая оболочка уголовного дела ударила по глазам. Нет больше Олега Митрофановича, очарованного тридцать лет собственной женой. В той квартире никто не танцует, не обсуждает с жаром новую выставку и не передвигает часами фигуры на шахматной доске. От этого разливается горечь, от

которой щиплет глаза, скребет железной щеткой горло. Вдвойне горше, что он, Лев, упустил столько времени, не навещал стариков. Теперь единственное, как он может вернуть долг, это убедиться, что Олег Митрофанович отошел в мир иной спокойно, по божьей воле, а не из-за чьего-то противозаконного замысла.

И опер, стиснув зубы, чтобы не уплыть опять в приятные воспоминания, принялся изучать документы. Стандартный набор: поквартирный опрос, протокол поквартирного опроса, опросы свидетелей, которые слышали громкие звуки в тот вечер, вернее даже ночь, протокол осмотра места обнаружения тела с подробным описанием помещения, характеристика от участкового, исследования криминалистической лаборатории, протокол допроса Максима Журина, единственного внука супругов. Прав Валерка, на первый взгляд нет никаких предпосылок, чтобы заподозрить насильственную смерть. Да, Максуду достается отличное наследство — пятикомнатная квартира, за такое в современном мире убивают, выгоняют на улицу, подделывают документы, ■

отказываясь от родственных связей. Только если бы парень, сейчас уже вполне солидный мужчина около сорока, охотился за золотыми метрами в Центральном районе Москвы, то не стал бы ждать столько лет. Ведь получается, что Олег Митрофанович уже больше восьми лет как вдовец после смерти Лидии, его внук мог достаточно быстро проверить замысел и стать единственным собственником квартиры.

Лев Иванович даже усмехнулся от мысли, что это Макс мог поспособствовать скорейшему отправлению деда на тот свет. Тот Максим Журин, которого помнил Гуров, был замкнутым, неуклюжим пареньком. По большей части он молча поглощал угощение со стола, поджимал губы на причуды своих стариков да сдерживал зевок, слушая рассказы Лидии об очередном культурном мероприятии. Единственная вещь на свете, которая его вдохновляла и завораживала, — шахматы. Он не пошел в бабку статью и художественным талантом, не повторил доброту и щедрость деда, даже на погибшего в нелепой аварии отца Максим был не похож. Журин-внук был копией

матери, блеклой провинциальной девушки Ольги, которая из-за случайной одноразовой связи на какой-то гулянке вдруг стала частью семьи московских интеллигентов. Мать Максима после рождения внебрачного ребенка не решилась остаться в Москве, получила стараниями Журиных комнату в коммуналке от одного из подмосковных швейных комбинатов да и осела там навсегда. В квартире Олега и Лидии она не появлялась с момента похорон их единственного сына и отца ее ребенка. Теперь мужская вариация Ольги, подрастающий внук Максим, навещал стариков по строгому графику. Мальчишка, потом подросток и затем молодой парень удивленно таращился на их чудаковатые привычки и робко заливался краской за сервированным как в ресторане столом. Но надо отдать должное, бабушкин такт ему все-таки перешел по наследству. Даже если Макс и посмеивался или осуждал привычки родни, то никогда не произносил это вслух. Лишь пожимал плечами на то, что у дедушки с бабушкой не было привычного телевизора или магнитофона, ведь крошечный черно-белый телевизор водился даже в

их с матерью простенькой общажной комнатухе. Есть у стариков надо было с помощью ножа и вилки, вести за столом следовало приятные разговоры о погоде и далеком от него искусстве. Из развлечений — пасьянс, танцы под старые романсы из забавного старинного патефона да сопровождение бабушки по скучным музеям. Зато во время каждого визита его кормили деликатесами, которые у матери в холодильнике не водились, играли в его любимые шахматы по несколько часов кряду, не ругали за сидение с книжкой до утра, а на прощанье дед всегда засовывал внуку в карман новенькую хрустящую купюру. Поэтому каждые выходные Максим садился в электричку и полтора часа ехал из подмосковного Королева с тремя пересадками в огромную квартиру в центре города.

Н. Леонов, А. Макеев

Перед внутренним взглядом всплыло бледное, всегда сосредоточенное личико с невзрачными чертами. Увидишь в толпе и не запомнишь, настолько все черты скучны и обычны. Всегда в темной практичной одежке, нелюдимый замкнутый Макс молчал, ел, скрывал зевоту в гостях у деда с бабкой. Ожи-

вал лишь над доской с фигурами, тогда глаза его наполнялись блеском, а брови ходили вверх и вниз в такт размышлениям.

Интересно, прекратил ли он свои поездки после того, как вырос? Гуров пролистал протоколы, нашел строчку с данными свидетеля и снова усмехнулся. Ну кем же еще мог стать парень, который не выпускал из рук учебник по шахматам? Журин Максим Леонидович, преподаватель по шахматам в одном из столичных лицеев, проживает все в том же общежитии города Королева. Пара стандартных строк из официального протокола содержали всю дальнейшую судьбу единственного внука экстравагантной четы. Парень так и прожил еще почти двадцать лет, ничем не интересуясь, кроме фигур на черно-белых клетках. Что еще есть в папке? Показания свидетельницы, соседки, Людмилы Ивановны Ивановой, той самой лаборантки Люсеньки. Она мгновенно нарисовалась серым пятном в памяти оперативника: блеклая, будто стерли с нее все краски, с вечными пятнами смущения на щеках и жидкими волосами, собранными в хвостик, стесняющаяся своей квадратной, будто топо-

ром вырезанной фигуры. Она преданной собачонкой служила Лидии и ее мужу. За то, что Журина опекала ее, учила женским премудростям, водила за собой по выставкам, знакомя с московской богемой, та считала престарелую гранд-даму своим личным божеством. Хлопотами Олега Митрофановича приезжая провинциалка получила быстро однушку от технологического института, несмотря на скромную должность лаборантки кафедры машиностроения. Шикарный гардероб с плеча модницы Лиды, о котором заурядная женщина могла лишь мечтать, праздники в почти семейном кругу вместо одинокого застолья — блага от щедрых соседей сыпались на Иванову как из рога изобилия. Она отплатила этот долг, до конца жизни, видимо, присматривая за овдовевшим ученым, недаром первая обратила внимание на крики и побежала проверить, что случилось с тихим Олегом Митрофановичем. Запасные ключи от соседской квартиры у нее были, именно Люся и нашла старика на полу у его вместительного кресла, где тот так любил слушать старые пластинки с любимыми романсами.

Гуров опять почувствовал укол стыда: все, кто вращался вокруг интеллигентной четы, так и продолжали еще двадцать лет свою жизнь в лучах тепла и заботы Журиных, взамен отдавая внимание дряхлеющим старикам. А он исчез, как будто и не было ничего, хотя считал их практически своей семьей, пока жил в той квартире все пять лет учебы в институте. Лев Иванович со вздохом взглянул на часы, нет, это ощущение не унять воспоминаниями. Время еще есть, спектакль у жены окончится почти в полночь, поэтому он может сейчас хотя бы прокатиться в квартиру Журиных, поговорить с Ивановой об обстоятельствах смерти старика.

Опер уже стоял на парковке, когда бросил взгляд на окна криминалистической лаборатории на третьем этаже здания. Заглушив двигатель, Лев Иванович снова зашагал к крыльцу здания управления МВД. Желтый свет окон напомнил ему, что криминалист Зимин, его давний коллега, не так давно развелся с женой и теперь частенько проводил ночи на диванчике в своей лаборатории, не горя желанием возвращаться в родительский

дом и выслушивать упреки из-за несложившейся семейной жизни. Дело наверняка уже побывало у Зимина в руках, а значит, тот сможет высказать свое мнение, помочь воспроизвести картину произошедшего. В беседе, бывает, всплывают мелочи, на первый взгляд несущественные детали вскрытия или результатов осмотра места происшествия, которые в официальный протокол не включают из-за их незначительности. Такие крошечные крючки могут стать точкой, от которой расследование вдруг начинает раскручиваться совсем в другую сторону. Поэтому Гуров, когда брался за дело, первые несколько дней не выдвигал версий, чтобы не уйти по ложному следу. Он тщательно, как археолог на раскопках, осматривал каждый кусочек пазла, собирая их все больше и больше, пока разрозненные элементы вдруг не складывались сами в четкую картинку. Этим Лев Иванович и заработал свою славу опытного опера, которому любая запутанная история по плечу. Его напарник по кабинету, давний приятель, Станислав Крячко ■ не мог удержаться от своих резких шуточек в

сторону друга, который с задумчивым видом часами что-то мог писать и чертить в потрепанном рабочем блокноте: «Без труда не выловишь и труп из пруда, Лева?» В ответ Гуров кивал отрешенно и продолжал вырисовывать схему из лишь ему понятных черточек, кружков и знаков. Выдержав час, заскучавший от тишины в кабинете Стас дальше выдавал новую шутку: «Говорят, что лучшие сыщики — это бывшие воры. Жду от вас чистосердечное о темном прошлом, гражданин Гуров». Приятель в ответ лишь отмахивался и вдруг загорался от осенившей догадки, радостный спешил за стол к Стасу, чтобы поделиться своими мыслями. Именно резковатый и ироничный Крячко оказывался лучшей проверкой версии на жизнеспособность. Он внимательно выслушивал, рассматривал стрелки и буквы из блокнота, а потом засыпал Гурова вопросами, возражениями, острыми замечаниями. Вот тогда, если схема выдержала такую проверку, опера принимались за ее отработку, собирая недостающие детали — показания свидетелей или улики.

Правда, сейчас его многолетний советчик отдыхал от рабочих будней в семейном кругу, время уже перевалило за десять вечера, немногие сотрудники все еще трудились в своих кабинетах. Дежурная бригада из следователя и опера да криминалист, который теперь считал работу своим первым домом. Лев легко поднялся по знакомым ступеням, коротко стукнул в дверь с надписью «отдел криминалистики» и, не дожидаясь ответа, шагнул внутрь. Как он и предполагал, Леха Зимин в красной измятой фланелевой рубашке и домашних трико развалился на продавленном диванчике. Коллега с увлечением жал кнопки своего ноутбука, который мерцал синим экраном на колченогом стуле для посетителей. При виде опера Зимин обрадовался:

— Лев, какие люди! Проходи, проходи, Евтушенко на вызов укатил, так что я тут один. Отдыхаю, перерывчик выдался. — Зимин кивнул на ноутбук со звуками стрельбы. — Игрушку новую пробую, пока работы не навалили. Вот остался с дежурным, новичок все-таки, надо помочь парню профессию освоить. Чему их там в институтах учат, потом

приходится нянчиться круглыми сутками. Кофе, Лева? Или чего покрепче от стресса?

По суетливым движениям и многословию криминалиста Гуров понял, что Алексей стесняется своего положения, прикрывая круглосуточное пребывание на работе необходимостью обучать нового сотрудника. Он широко улыбнулся и покачал отрицательно головой:

— Нет, Леха, я к тебе по делу, считай, тоже на работе, но вопрос чуть больше, чем рабочий. Знакомый мой недавно у тебя проходил, официальное заключение еще от вас было. Теперь я хотел бы твое мнение услышать, что там не так? Странное, может быть, необычное, ну, ты понимаешь.

Зимин кивнул коротко:

— Фамилия?

— Журин Олег Митрофанович, — так же по-деловому отчеканил опер.

Криминалист вдруг лукаво блеснул косым взглядом, развернувшись от экрана компьютера:

— По адресу пришел, Лев Иванович. Почувял сразу, что мутная история, да?

Зимин при всей своей неудачной семейной жизни был отличным специалистом, чующим, как и Гуров, малейшие нестыковки в фактах. Он повел длинным носом, как пес, уловивший след, и с жаром заговорил:

— Я помню вызов, сам выезжал с опером и следаком. Все чин по чину, у старика сердце прихватило, он как сидел, так со своим креслом рядом и лег. Видимо, на помощь хотел позвать, но уже сил не хватило. На первый взгляд никакого криминала.

— А на второй? — Лев внимательно слушал эксперта.

Тот с довольным видом достал из толстого вороха протоколов несколько бумажек и похлопал по ним:

— И на второй, Лева, тоже все в порядке. По результатам вскрытия — смерть наступила по естественным причинам, нарушение сердечной деятельности и остановка сердца. Инфаркт по-простому.

— Тогда почему ты думаешь, что все не так просто, как кажется сперва? — Лев досадовал, что Зимин тянет время, откровенно наслаждаясь его нетерпением.

А тот гордо вскинул подбородок, растягивая минуту торжества:

— Я Зубаревой так сразу и сказал: «Копай, Наташа, там что-то нечисто», — мужчина сузил глаза и постучал пальцами по протоколам. — В составе крови и содержимого желудка у старика виагра, лекарство для повышения давления и препарат для понижения давления. Как вся эта солянка в нем оказалась? Я специально этот вопрос у знакомого аптекаря уточнил, состав от определенных таблеток, которые прописывают при пониженном давлении. Понимаешь, Гуров?! Ладно, что он при повышенном давлении пил виагру, это уж его донжуанские дела. Захотелось любви на старости лет, решил старикашка рискнуть жизнью ради подвигов в койке. Лекарство для снижения давления ему мог прописать врач по показаниям, а вот зачем он принимал препарат с обратным действием? Зачем ему порошочками и таблеточками поднимать себе давление, которое и так долбит выше нормы из-за возраста и виагры? Это же нелогично! Да и вредно. У меня матушка пьет таблетки от сердца и давления, так она даже кофе чашку ■

себе не разрешает. По лестнице пройдетя, и все, жахает под двести, беги за тонометром. В таком возрасте это сразу «Скорая» и больница, гарантированно. Вот это и странно, что не какой-то безграмотный обычный пенсионер в себя пихал что ни попадя. Такое тоже бывает у стариков, у не особо сообразительных товарищей. Пьют все как компот, не думая о последствиях и побочках. Но этот-то дед с головой дружил, образованный, особо химией не увлекался, всего три препарата. Почему он пил таблетки противоположного действия, хотя должен быть вполне разумным человеком и понимать, какие последствия от такого коктейля, — на немой вопрос Гурова криминалист махнул рукой. — Да у него полки от пола до потолка книгами уставлены, в том числе биология, анатомия и прочая медицина. Уж если человек таким всю жизнь интересовался, то основы должен понимать.

Гуров тут же вспомнил сотни книг, которые коллекционировали Журины. Лидия, профессиональный скульптор, собирала редкие издания, буквально охотилась за ними, ■ выискивая энциклопедии, учебники, книги

по анатомии человека на блошиных рынках, в антикварных лавчонках и на стихийных развалах. Она с горящими глазами демонстрировала свои находки домочадцам и гостям:

— Вот, полюбуйте, Левушка, итальянское издание иллюстраций из атласа Говарда Бидло. Шестнадцатый век, личный врач английского короля. Его новшество — подробное изображение папиллярных гребней на пальцах, которые он исследовал с помощью микроскопа. Представляете, Лев?! То, что теперь в вашей работе обыденность, инструмент для поимки преступника, тогда было неслыханным открытием — уникальность отпечатков пальцев, неповторимый узор у каждого человека. Это же отец, нет прапрапрадедушка криминалистики!

Прямо на стол перед Львом, который зашел на вечерний чай к Журиным, лег разворот потрепанной книги с черно-белым портретом человека в парике. Студент скользнул взглядом по лаконичным буквам латиницы:

— Лидия Гавриловна, здесь же по-итальянски или по-испански, как вы сможете прочитывать книгу?

Женщина покачала головой с высокой прической:

— Ну же, Лев, во-первых, Лидия, а не Лидия Гавриловна. После 80 лет, так и быть, соглашусь на отчество. А во-вторых, у нас есть итальянский словарь, этого достаточно, чтобы понять основное направление мысли. В этой книге иллюстрации, картины важнее слов.

Основы итальянского она тогда освоила за пару месяцев, и уже к лету сборник пластинок ее мужа стал пополняться известными ариями, потому что Лидия решила совместить изучение нового языка с музыкальными вечерами. Вместе с ней проникались оперным искусством Максим и Лев, корпящие над очередной шахматной партией. «А ведь именно знание итальянской оперы покорило Машу на первом свидании. Завоевание жены — это результат воспитания Лидии», — вдруг понял Гуров.

— Лев, ты чего, переработал? Ты слышишь меня, Лев Иваныч? — Крепкий палец ткнул в бок, и Гуров вернулся из своих воспоминаний обратно в сегодняшнюю реальность, в отдел криминалистики.

Зимин внимательно всматривался в лицо опера:

— Ты это чего, Лев Иванович, в отключку какую-то ушел. Ты давай домой дуй, мертвецы подождут. Им уже некуда торопиться. Там жена заждалась тебя, — во взгляде новоиспеченного холостяка мелькнула зависть. — Отдохни, сто грамм прими, завтра договорим. Я утром здесь буду. Сегодня еще протоколы все перечитаю по Журину этому, может, еще какая мысль созреет.

— Хорошо, — согласился опер.

Перед глазами были часы, на которых стрелки уже показывали одиннадцать. Он же еще собирался увидеться с соседкой Журиных. Людочке сейчас далеко за 60, и будет отлично, если она страдает бессонницей.

Гуров пожал на прощание руку Зимину и направился обратно к своему автомобилю на парковке, оставив эксперта и дальше коротать одинокий вечер за ноутбуком на служебном диванчике.

Чем ближе он был по знакомому маршруту к дому, где провел пять чудесных лет, тем сильнее билось сердце. Воспоминания нака-

тывали одно за другим, разливаясь в груди щемящей смесью радости и ностальгии. Возле дома он долго парковался, поджидая, когда сердце вернется к привычному спокойному ритму, а по всему телу перестанет идти легкая дрожь. Гуров вышел из машины, поднял глаза на знакомые окна и застыл на несколько секунд в шоке. Угловая квартира Журиных состояла из пяти комнат: просторная гостиная с большим дубовым столом; спальня с глухими шторами; залитая светом мастерская Лидии; крошечный будуар, как называла его женщина, где висели ее наряды, стоял столик с огромным зеркалом и тугая бархатная кушетка, повидавшая немало откровений соседок; кабинет Олега Митрофановича, совмещенный с библиотекой, в котором он проводил долгие часы. В глубоком кресле у окна, рядом с зеленой лампой на подставке из малахита, пожилой мужчина читал книги, слушал музыку на патефоне, если Лидия просила ее не тревожить. Регулярно женщина запиралась надолго в мастерской для новой работы, тогда все в квартире Журиных переходило на шепот, чтобы не мешать увлеченной скульптор-

ше ее встрече с музой. Все комнаты тянулись анфиладой вдоль длинного коридора с задней стороны дома, лишь кабинет Олега Митрофановича выходил окнами во двор, оставаясь отдаленной комнатой, откуда звуки не доходили до мастерской. Сейчас же Гуров застыл от невероятной картины — окно с плотными шелковыми шторами горело зеленым пятном включенной лампы, которая, он точно знал, стоит на небольшом журнальном столике у окна, подсвечивая белые буквы на глянцевых листах заграничного журнала о машиностроении в руках у Олега Митрофановича. Только пенсионер мертв, а квартира опечатана! И в ней не может гореть свет! Мертвец не может включить лампу и сидеть в кресле! Зеленый свет мигнул, исчез, а окно налилось чернотой ночи. Гуров со всех ног кинулся к знакомому подъезду, дернул дверь и остановился — ну конечно же, на двери теперь домофон и кодовый замок, как и в любом подъезде, так просто сюда больше не попасть. Лев по памяти воспроизвел нумерацию квартир, нажал блестящие клавиши. Дребезжащий голос ответил почти сразу:

— Кто там?

— Людмила, — он никак не мог вспомнить ее отчество. — Это Лев Гуров, я снимал квартиру рядом с Журиными, помните? Я по поводу смерти Олега Митрофановича. Могу подняться к вам и задать несколько вопросов?

Заминка длилась несколько секунд, потом пискнул домофон зеленой точкой, и Гуров уже поднимался на третий этаж, по пути лихорадочно соображая, как ему попасть в квартиру. Ведь полиция наверняка опечатала вход в жилье до окончания разбирательства, а у него нет сейчас юридических полномочий для входа в квартиру. Все-таки формально, как опер, он никакого отношения к расследованию смерти Журина не имеет. Может, стоит зайти к участковому и попросить его открыть квартиру? Обдумать все варианты сыщик не успел, на лестничной площадке его ждала все такая же блеклая, в застиранном голубом кимоно — наследство Лидии — соседка Журиных, Люся. За двадцать лет она почти не изменилась, лишь ее невыразительное личико набрякло морщинами и мешками под глазами, а так все тот же тоненький хвостик на затылке,

водянистые глаза и тихий голос. Она, поджав губы, ждала Гурова у дверей квартиры Журиных и без всякого приветствия протянула:

— Когда живы были, то вы в гости к ним не заходили, как институт закончили. Неужто мертвые интереснее, чем живые, Лев Иванович?

Опер виновато отвел глаза в сторону:

— Простите, даже не знаю, как вышло. Работа, семья, закутилось все. А Максим навещал их?

Старушка покивала головой:

— Как часы, каждое воскресенье всегда здесь. Как Лидия умерла восемь лет назад, стал почаще забегать к деду. Продукты купить, в аптеку сходить, мы не молодеем. Я за ним тоже ухаживала, убиралась, готовила, врача вызывала — все на мне. Олег Митрофанович и так был... — старушка пожевала губы задумчиво, подбирая слова, — от мира оторван, без жены и не знал, как за свет заплатить. Избаловала его Лидия, жил как царь. Жена — красавица и умница, и дом полная чаша, слова о нем плохого не сказала за всю жизнь. Лидочка не человек, а ангел.

Она вдруг замолчала и хмуро кивнула на дверь:

— Я как шум услышала, сразу прибежала с ключами, отперла дверь, а он там лежит. «Скорая» приехала, потом полиция, Максиму я набрала, вызвала сюда. Он живет, конечно, скромно, но на такси из Королева денег не пожалел ночью. Все-таки дедушка...

Опытный оперативник от ее горького тона забыл все вопросы, которые готовил, пока добирался сюда. Мигающая зеленая лампа, призрак прошлого, выбила его из рабочего тона. Зашаркали тапки, Люсин хвостик замелькал в тусклом свете подъездной лампочки.

— Поздно уже, мне утром в похоронное бюро ехать, Максим не справится один с организацией. Поминки будут в три часа дня в кафе «Коляда», хорошее место, все-таки начальство с нашего института приедет, помнят еще Олега Митрофановича. Не все, но помнят, все же и заместителем заведующего кафедрой был столько лет. У Лидочки на прощании сотни гостей было, все ее помнили, все любили. Гроб, венки, музыка итальянская —

■ все как она наказала. И дом наш, и кафедра,

и ее ученики пришли, кого только не было. Все как она просила я сделала, гроб белый, никаких ладанок на лбу. Прическу и макияж я сама ей делала, за деньги пустили в морг покойницу обряжать, платье черное, туфельки на каблучке и перчаточки кружевные. Ей от болезни пальцы скрючило, очень Лидочка тяжело это переживала и перчаточками прикрывала уродство. Работала не покладая рук, вот потом вылезло. Ручки стали как у птички лапки, а она все творила, через боль. Никому не жаловалась, накупила перчаток и еще лучше стала выглядеть, как королева настоящая.

Старушка ушла с головой в воспоминания, кивала и улыбалась умиротворенно от радости, что помогла своей обожаемой подруге отойти в мир иной такой же прекрасной, какой Лидия привыкла быть всю жизнь. Хлопнула входная дверь на первом этаже, застучали шаги припозднившегося жильца. Люся снова свела белесые бровки-запятые на переносице:

— Мне пора, приходите попрощаться с Олегом Митрофановичем завтра, на Миусское кладбище, к двенадцати.

— Да, я приду, конечно, — опер очнулся от ступора и полез в карман, сунул в сухие ладони все купюры, что были в кошельке. — Вот, возьмите, это для организации похорон, не отказывайтесь, прошу. Мне стыдно, что так вышло, это немногое, что я могу сделать сейчас.

Чтобы Людмила не успела отказаться, он поспешил по ступеням вниз. Внутри горела досада на себя, что поддался эмоциям. Теперь его визит прошел так скомканно и неинформативно, так и не решился он спросить у Люси, почему загорелась и погасла зеленая лампа в кабинете Олега Митрофановича. Хотя, с другой стороны, что он хотел узнать? Не водится ли в квартире Журиных привидение, которое сидит в кресле и включает зеленую лампу?

В машине опер просидел добрых четверть часа, не сводя глаз с окна в кабинете старика. Вдруг на окне соседней квартиры мелькнула тюлевая занавеска, колыхнулась и вернулась обратно белой волной. Гуров понял, что это Людочка наблюдает за ним из своей квартиры. Старушка недовольна его многолетним

отсутствием, обижена заочно черной неблагодарностью к Журиным, которые так опекали молодого студента. Поэтому разговаривала так сухо, в каждое слово вкладывая упрек. Ну ничего, завтра после поминок она разговорится в волнении от обилия людей и событий. Он помнил, как будоражили ее даже посиделки у Лидии и Олега на праздниках. Вечеринки всегда заканчивались для Люси слезами, она начинала плакать от захлестывающих чувств к своим благодетелям и благодарить их. Ему обязательно надо быть на похоронах — отдать последний долг старику, а заодно побеседовать с Максимом и Людмилой, практически единственными свидетелями его последних лет жизни. На сегодня расследование закончено, даже дома ему не над чем поразмышлять. Кроме сомнений полицейского криминалиста, нет никаких оснований считать, что Олег Митрофанович умер не от естественной в его возрасте причины. Правда, мысли о событиях в квартире в Академическом переулке не шли из головы и после того, как он встретил жену Марию, актрису театра, у служебного входа и отвез домой.

Перед сном Маша тактично нарушила молчание мужа:

— Лев, все в порядке? Новое дело?

Она привыкла, что каждое новое расследование увлекает Льва с головой, так что тот забывает обо всем, до того уходит в собственные мысли. В этот раз он удивил ее неожиданным вопросом:

— Как ты думаешь, привидения существуют?

Она сначала рассмеялась от необычного интереса:

— Как призрак оперы? — но, увидев серьезное выражение лица Льва, пожала плечами. — Скорее да, чем нет. Я сама не сталкивалась с ними. Почти. Хотя ты знаешь, была одна жуткая история. Первым главрежем в нашем театре был Георгий Таар. Из-за интриг его оклеветали, сняли с должности и даже отправили в психушку, хотя при нем театр процветал несколько десятилетий. Его жена, Нора Вааль, актриса, пыталась восстановить справедливость, каждый вечер приходила к театру и стояла часами у входа, наблюдая за зрителями, потому что новый режиссер запретил ее